

АННА ВЕЖБИЦКАЯ

ПОНИМАНИЕ КУЛЬТУР
ЧЕРЕЗ ПОСРЕДСТВО
КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2001

ББК 81.031

В 26

Вежбицкая Анна

В 26 Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

ISBN 5-7859-0189-7

Основные положения, развивающиеся в книге А. Вежбицкой, заключаются в том, что разные языки существенно разнятся в отношении своего словарного состава и эти различия отражают различные ядерные ценностей соответствующих культурных общностей. В своей книге А. Вежбицкая стремится показать, что всякая культура может быть исследована, подвергнута сопоставительному анализу и описана при помощи «ключевых слов» языка, обслуживающего данную культуру. Теоретическим фундаментом такого анализа может служить «естественный семантический металязык», который реконструируется на основе широких сопоставительно-языковых исследований. Книга адресована не только лингвистам, но также антропологам, психологам и философам.

В издание вошли главы из работы Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. New York: Oxford University Press, 1997.

ББК 81.031

*В оформлении обложки использована картина
Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня»
(Венский Художественно-исторический музей)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книгорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0189-7

9 785785 901896 >

© Анна Вежбицкая, 2001

© «Языки славянской культуры», 2001

© А. Д. Шмелев. Перевод с англ., предисловие, 2001

© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>A. Д. Шмелев. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры?</i>	7
I. Введение	13
1. Анализ культуры и семантика языка	13
2. Слова и культуры.	14
3. Различные слова, различный образ мышления?	19
4. Культурная разработанность и лексический состав языка	27
5. Частотность слов и культура.	30
6. Ключевые слова и ядерные ценности культуры	35
7. «Культура» — опасная идея?	38
8. Лингвистические и концептуальные универсалии	45
9. «Естественный семантический метаязык»: исход из Вавилона	48
10. Заключение	59
II. Словарный состав как ключ к этносоциологии и психологии культуры: модели «дружбы» в разных культурах	63
1. «Дружба» — универсальное человеческое свойство	63
2. Изменяющееся значение английского слова <i>friend</i>	68
3. Модели «дружбы» в русской культуре	102
4. Модели «дружбы» в польской культуре	143
5. <i>Mate</i> — ключ к австралийской культуре	169
6. Заключение	201
Приложение	204

III. Словарный состав как ключ к этнофилософии, истории и политике: «свобода» в латинском, английском, русском и польском языках	211
1. ‘Свобода’ — культурообразующий концепт	211
2. <i>Libertas</i>	212
3. <i>Freedom</i>	216
4. <i>Liberty</i>	223
5. Старое значение слова <i>freedom</i>	229
6. <i>Свобода</i>	233
7. <i>Воля</i>	241
8. <i>Wolność</i>	247
9. Заключение	253
Приложение	256
Примечания	259
Литература	271

МОГУТ ЛИ СЛОВА ЯЗЫКА БЫТЬ КЛЮЧОМ К ПОНIMАНИЮ КУЛЬТУРЫ?

В настоящее время вновь обретают все большую популярность представления, восходящие к идеям Гумбольдта и получившие свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира—Уорфа. В соответствии с этими представлениями язык и образ мышления взаимосвязаны. С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживаются с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В этом смысле слова, заключающие в себе лингвоспецифичные концепты, одновременно «отражают» или «формируют» образ мышления носителей языка.

Всем известно, что в разных языках существуют лингвоспецифичные обозначения объектов материальной культуры, напр. особых кушаний или напитков (ср., напр., русские слова *щи* или *кефир*). Ясно, что наличие таких слов самым непосредственным образом связано с гастрономическими обычаями носителей соответствующих языков.

Наличие лингвоспецифичных слов может быть связано и с существованием особых обычаем и общественных установлений, характерных для культуры, пользующейся соответствующим языком, а также с особенностями системы ценностей, принятой в данной культуре. Скажем, существование в русском языке глагола *тыкать* 'использовать по отношению к собеседнику обращение на «ты» в ситуации, когда социальные конвенции требуют обращения на «вы»' обусловлено как тем, что в русском речевом этикете раз-

личаются обращение на «ты» и обращение на «вы», так и тем, что обращение на «ты» в определенных ситуациях может восприниматься как предосудительное (употребление глагола *тыкать* предполагает, что говорящий отрицательно оценивает соответствующее действие, считая его оскорбительным, — поэтому, в частности, о героине Пушкина, которая «пустое вы сердечным ты... обмолясь заменила», нельзя было бы сказать, что она стала *тыкать* собеседнику).

Во всех подобных случаях лингвоспецифичные слова отражают и передают образ жизни, характерный для некоторой данной языковой общности, и могли бы рассматриваться как своего рода свидетельства о каких-то особенностях соответствующей культуры. Но внешняя сторона жизни, материальная культура и общественные ритуалы и установления доступны нашему наблюдению и помимо языковых данных. Пафос целого ряда работ А. Вежбицкой, значительная часть которых вошла в ее книгу *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*, состоит в том, что в языке находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире, и соответствующие языковые единицы представляют собою «бесценные ключи» (*priceless clues*) к пониманию этих аспектов культуры.

При этом чрезвычайно существенно, что А. Вежбицкая исходит из наличия общей базы для всего разнообразия способов концептуализации действительности, обнаруживаемых в различных языках мира. В соответствии с подходом А. Вежбицкой, любой сколь угодно сложный и причудливый концепт, закодированный в той или иной языковой единице какого-либо из естественных языков, может быть представлен в виде определенной конфигурации элементарных смыслов, которые являются семантически неразложимыми и универсальными — в том смысле, что они лексически закодированы во всех языках. При этом импликация действует в обе стороны. Не только любая семантически неразложимая единица должна быть универсальной, но и любая универсальная (т. е. присутствующая в лексиконе всех языков) единица предполагается семантически неразложимой. Список таких семантических универсалий продолжает уточняться; но незыблемым остается общий принцип, в соответствии с которым экспликация любого лингво-

специфичного концепта состоит в переводе его на «естественный семантический метаязык», лексикон которого и составляет множество семантических элементов.

Таким образом, постулат о связи семантической неразложимости и универсальности естественным образом дополняется в концепции А. Вежбицкой постулатом, согласно которому любой семантически неэлементарный (или, что то же, не универсальный) концепт может быть представлен в виде определенной конфигурации элементарных смыслов (семантически элементарных и универсальных концептов).

У постороннего наблюдателя, не готового *a priori* принять названные постулаты, некоторые из конкретных решений, принимаемых А. Вежбицкой в процессе семантического анализа языковых единиц, могут вызывать сомнения. Ему может казаться, что при таком подходе семантические различия между «элементарными» единицами (напр., рассмотренные Ю. Д. Апресяном [1994] различия между английским *want* и русским *хотеть*) игнорируются, а семантические различия между «неэлементарными» единицами, которые интуитивно ощущаются семантически близкими (напр., между английским *liberty* и латинским *libertas* или между русским *друг* и английским *friend*), преувеличиваются. В результате близкие по смыслу «неэлементарные» единицы разных языков иногда предстают как имеющие мало общего, поскольку их развернутые экспликации существенно отличаются друг от друга. С другой стороны, соответствующие друг другу «элементарные» единицы объявляются семантически тождественными, а их интуитивно ощущаемые различия приписываются разного рода «возмущающим факторам», таким как «резонанс», связанный с различным местом единиц в языковой системе, полисемией и т. п.

Но дело в том, что, если стремиться дать лингвоспецифичным языковым единицам экспликации, не зависящие от конкретных языковых и культурных конвенций, едва ли можно найти альтернативу подходу А. Вежбицкой. Когда мы дошли до единиц, значение которых нельзя истолковать посредством формул, состоящих из семантически более простых единиц, мы уже не располагаем инструментом, который позволил бы эксплицировать различия между ними в виде толкований. Различия между такими единицами оказываются невербализуемыми в рамках естественного языка, а использование по отношению к ним условных ярлыков (не обще-

понятных и потому, в свою очередь, нуждающихся в истолковании) сделала бы толкования круговыми.

Иными словами, при построении универсального метаязыка толкований, не зависящего от особенностей конкретного естественного языка и конкретной культуры, мы вынуждены пренебречь межъязыковыми различиями между словами, соответствующими единицам этого языка, — такими как русское *хотеть* и английское *want* или русское *ты* и английское *you* (в последнем нет элемента «неформальности», присущего в русском *ты* в силу наличия противопоставления *ты* — *вы*), — вынуждены игнорировать «обертоны» в семантике этих слов. Здесь важно, что все единицы «естественного семантического метаязыка» предполагаются универсальными, т. е. имеющими соответствие в любом отдельно взятом языке. Требованию универсальности в последнее время А. Вежбицкая придает, пожалуй, даже большее значение, чем требованию семантической неразложимости, поскольку универсальность легче поддается эмпирической проверке. Тем самым, если отвлечься от незначительных «обертонов», толкования, написанные на «естественному семантическому метаязыке», не зависят от особенностей конкретного языка и могут быть переведены на любой язык. Поэтому совершенно не соответствует действительности утверждение, которое можно обнаружить в одном из новейших учебников по семантике (Saeed 2000: 261), будто А. Вежбицкая фактически отказывается от поисков универсального метаязыка и использует в качестве инструмента толкований английский язык. Сказанное скорее может быть отнесено как раз к тем подходам, которые А. Вежбицкая подвергает критике. Что же касается словаря используемого ею метаязыка, то он действительно может рассматриваться как некоторая ядерная часть английского словаря — но ровно в той мере, в которой эта ядерная часть включает в себя единицы, имеющие эквиваленты (с точностью до «обертонов») во всех языках мира.

Совсем иначе А. Вежбицкая подходит к лексическим единицам, не входящим в выделяемую таким образом ядерную часть. Здесь тончайшие нюансы, различающие семантически сходные единицы разных языков, не считаются незначащими «обертонами» и подвергаются детальному анализу и подробной экспликации на «семантическом метаязыке». Решающую роль при этом играет то, что такие единицы не являются универсальными и должны рассмат-

трявателься как отражающие специфику видения мира, присущего носителям именно данного языка и данной культуры. Поскольку слово имеет аналоги не во всех языках, чтобы сделать его понятным носителю любого языка, мы обязаны дать ему толкование, используя универсальный метаязык. А раз уж мы все равно даем ему толкование, мы можем отразить в толковании все лингвоспецифичные и культурноспецифичные особенности соответствующего концепта. И здесь лингвистическая зоркость А. Вежбицкой часто позволяет ей увидеть не сразу бросающиеся в глаза семантические нюансы, дающие ключ к пониманию специфики соответствующей культуры.

При этом язык чутко реагирует на культурные изменения. Так, характерные для западного мира (и в особенности для США) изменения представлений об отношениях между людьми привели к семантическому изменению английского слова *friend* (А. Вежбицкая пишет об этом в соответствующем разделе второй главы книги *Understanding Cultures through Their Key Words*).

В целом книга А. Вежбицкой демонстрирует, что изучение словарного состава языка дает нам объективные данные, позволяющие судить о базовых ценностях обслуживаемой этим языком культуры. Тщательный лингвистический анализ может служить основой строгого и верифицируемого изучения различных культурных моделей, а использование универсального семантического метаязыка позволяет представить результаты такого изучения так, что они оказываются понятны даже людям, не принадлежащим данной культуре и не знакомым с данным языком.

Алексей Шмелев

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Вопросы языкоznания. 1994. № 4.
2. Saeed J. H. Semantics. Blackwell Publishers, 2000.

I. ВВЕДЕНИЕ

1. Анализ культуры и семантика языка

Во введении к книге *Vocabularies of Public Life* (Wuthnow 1992) известный социолог культуры Роберт Уатноу отмечает: «В нашем столетии, возможно более, чем в какое-либо другое время, анализ культуры лежит в сердцевине наук о человеке». Важной характерной чертой работы в указанной области является, по Уатноу, ее междисциплинарный характер: «Антропология, литературная критика, политическая философия, изучение религии, история культуры и когнитивная психология представляют собою богатейшие области, из которых можно извлечь новые идеи» (2).

Бросается в глаза отсутствие лингвистики в этом списке. Это упущение тем более обращает на себя внимание, что Уатноу связывает «живость и свежесть мысли, характерные для современно-го социологического изучения культуры, [с глубиной] интереса, уделяемого языковым вопросам» (2). Цель данной книги — показать, что анализ культуры может обрести новые идеи и из лингвистики, в частности из лингвистической семантики, и что семантическая точка зрения на культуру есть нечто такое, что анализ культуры едва ли может позволить себе игнорировать. Релевантность семантики не ограничивается лексической семантикой, но, вероятно, ни в какой другой области это не является столь ясным и очевидным. Поэтому данная книга сосредоточится на анализе лексики.

Глубокие прозрения Эдуарда Сепира, ряд из которых служит эпиграфами к данной книге, остались справедливыми и важными более чем шестьдесят лет спустя: во-первых, относительно того, что «язык [является] символическим руководством к пониманию культуры» (Sapir 1949: 162); во-вторых, относительно того, что

«лексика — очень чувствительный показатель культуры народа» (27); и, в-третьих, относительно того, что языкознание «имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» (166).

2. Слова и культуры

Имеется весьма тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит. Это в равной мере относится к внутренней и к внешней стороне жизни. Очевидным примером из видимой, материальной, сферы может служить пища. Конечно, не случайно то, что, например, в польском языке есть особые слова, обозначающие солянку из тушеной капусты (*bigos*), свекольный суп (*barszcz*) и особого рода сливовый джем (*rowidła*), а в английском таких слов нет или что в английском языке есть особое слово, обозначающее апельсиновый (или подобный апельсиновому) джем (*marmalade*), а в японском есть слово, обозначающее крепкий алкогольный напиток, приготовляемый из риса (*sake*). Очевидно, что такие слова могут нам нечто рассказать об обычаях указанных народов, связанных с пищей и питьем.

Существование лингвоспецифичных обозначений для особых видов «вещей» (видимых и осозаемых, таких как пища) — это нечто такое, о чем обычно знают даже обыкновенные, одноязычные люди. Также общеизвестно, что существуют различные обычаи и общественные установления, у которых есть обозначение в каком-то одном языке и нет в других языках. Рассмотрим, например, немецкое существительное *Bruderschaft* ‘брюдершафт’, буквально ‘братство’, которое «Немецко-английский словарь» Харрата (Harrap’s *German and English dictionary*) старательно толкует как «(совместное выпивание как) клятва в ‘братстве’ с кем-либо (после чего можно обращаться друг к другу на ‘ты’)» («(to drink) the pledge of ‘brotherhood’ with someone (subsequently addressing each other as ‘du’)»). Очевидно, что отсутствие слова со значением «брюдершафт» в английском языке связано с тем фактом, что английский язык больше не проводит различия между интимным/фамильярным «ты» («*thou*») и более сухим «вы» («*you*») и что в англоговорящих обществах нет общепринятого ритуала совместно выпивать в знак клятвы в вечной дружбе.

Аналогичным образом, не случайно то, что в английском языке нет слова, соответствующего русскому глаголу *христосовать*.

ся, толкуемому «Оксфордским русско-английским словарем» как «обмениваться троекратным поцелуем (в качестве пасхального приветствия)» («to exchange triple kiss (as Easter salutation)»), или то, что в нем нет слова, соответствующего японскому слову *mai*, обозначающему формальный акт, когда будущая невеста и ее семья в первый раз встречаются с будущим женихом и его семьей.

Очень важно, что то, что относится к материальной культуре и к общественным ритуалам и установлениям, относится также и к ценностям, идеалам и установкам людей и к тому, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире.

Хороший пример этого дает непереводимое русское слово *пошлисть* (прилагательное) и его производные (существительные) *пошлисть, пошляк и пошлячка*, подробному рассмотрению которых русский эмигрантский писатель Набоков посвятил много страниц (Nabokov 1961). Процитируем некоторые из комментариев Набокова:

The Russian language is able to express by means of one pitiless word the idea of a certain widespread defect for which the other three European languages I happen to know possess no special term [На русском языке при помощи одного беспощадного слова можно выразить суть широко распространенного порока, для которого три других знакомых мне европейских языка не имеют специального обозначения] (64).

English words expressing several, although by no means all, aspects of *poshlust* [sic] are for instance: «cheap, sham, common, smutty, pink-and-blue, high falutin', in bad taste» [Некоторые, хотя далеко не все оттенки пошлости выражаются, например, английскими словами «cheap, sham, common, smutty, pink-and-blue, high falutin', in bad taste»] (64).

Однако, по мнению Набокова, указанные английские слова недекватны, поскольку, во-первых, они не нацелены на разоблачение, выставление напоказ или осуждение всякого рода «дешевки» так, как нацелено слово *пошлисть* и родственные ему слова; а во-вторых, у них нет тех же «абсолютных» импликаций, которые есть у слова *пошлисть*:

All these however suggest merely certain false values for the detection of which no particular shrewdness is required. In fact, they tend,

these words to supply an obvious classification of values at a given period of human history; but what Russians call *poehlust* is beautifully timeless and so cleverly painted all over with protective tints that its presence (in a book, in a soul, in an institution, in a thousand other places) often escapes detection [Все они предполагают лишь определенные виды фальши, для обнаружения которых не требуется особой проницательности. На самом деле они, эти слова, скорее, дают лежащую на поверхности классификацию ценностей для отдельного исторического периода; но то, что русские называют пошлостью, очаровательным образом неподвластно времени и так хитро разукрашено в защитные цвета, что часто не удается обнаружить ее (в книге, в душе, в общественном установлении и в тысяче других мест)] (64).

Таким образом, можно сказать, что слово *пошлость* (и родственные ему слова) и отражает, и подтверждает острое сознание того, что существуют ложные ценности и что они нуждаются в осмеянии и ниспровержении; но для того, чтобы представить его импликации в системном виде, нам необходимо рассмотреть его значение более аналитически, нежели счел нужным это сделать Набоков.

«Оксфордский русско-английский словарь» (*Oxford Russian-English dictionary*) приписывает слову *пошлый* две гlosсы: «1. vulgar, common; 2. commonplace, trivial, trite, banal» [«1. вульгарный, обыкновенный; 2. заурядный, тривиальный, избитый, бanalный»], но это сильно отличается от толкований, даваемых в русских словарях, вроде следующих: «низкий в духовном, нравственном отношении, мелкий, ничтожный, заурядный» (СРЯ) или «заурядный, низкопробный в духовном, нравственном отношении, чуждый высших интересов и запросов».

Достойно внимания, сколь широк семантический диапазон слова *пошлый*, некоторое представление о котором можно получить из приведенных выше английских переводов, но еще больше обращает на себя внимание включенное в значение слова *пошлый* отвращение и осуждение со стороны говорящего, еще более сильное в производном существительном *пошлияк*, которое с отвращением ставит крест на человеке как на духовном ничтожестве, «лишенном высших интересов». (Перевод, который дается в «Оксфордском русско-английском словаре», — «vulgar person, common person» [«вульгарный человек, простой человек»], по-видимому, подразу-

мевает социальное предубеждение, тогда как на самом деле человек подвергается осуждению исходя из нравственных, духовных и, так сказать, эстетических оснований.)

С точки зрения англоговорящего лица, этот концепт в целом может казаться столь же экзотическим, как концепты, закодированные в словах уха ('рыбный суп') или борщ ('русский свекольный суп'), и тем не менее, с «русской» точки зрения, это яркий и принятый способ оценки. Снова процитируем Набокова: «Ever since Russia began to think, and up to the time that her mind went blank under the influence of the extraordinary regime she has been enduring for these last twenty-five years, educated, sensitive and free-minded Russians were acutely aware of the furtive and clammy touch of *poshlust'*» [«С той поры, когда Россия начала думать, и до того времени, когда ее разум опустошился под влиянием чрезвычайного режима, который она терпит последние двадцать лет, все образованные, чуткие и свободомыслящие русские остро ощущали вороватое, липкое прикосновение пошлости»] (64)¹.

На самом деле специфический русский концепт 'пошлость' может служить прекрасным введением в целую систему установок, впечатление о которых можно получить, рассмотрев некоторые другие непереводимые русские слова, такие как *истина* (нечто вроде 'высшей правды'), *душа* (рассматриваемая как духовное, моральное и эмоциональное ядро человека и некий внутренний театр, в котором развертывается его моральная и эмоциональная жизнь); *подлец* ('подлый человек, внушающий презрение'), *мерзавец* ('подлый человек, внушающий отвращение'), *негодяй* ('подлый человек, внушающий негодование'; обсуждение этих слов см. в Wierzbicka 1992b) или глагол *осуждать*, используемый в разговорной речи в таких предложениях, как:

Я его осуждаю.

Женщины, как правило, Марусю осуждали. Мужчины в основном сочувствовали ей (Довлатов 1986: 91).

В целом ряде русских слов и выражений отражается тенденция осуждать других людей в своей речи, высказывать абсолютные моральные суждения и связывать моральные суждения с эмоциями, так же как и акцент на «абсолютном» и «высших ценностях» в культуре в целом (ср. Wierzbicka 1992b).

Но, хотя обобщения, касающиеся «абсолютного», «страсти к моральным суждениям», «категорических оценочных суждений» и тому подобного, часто справедливы, они оказываются в то же время расплывчатыми и ненадежными. И одна из основных задач данной книги как раз и состоит в том, чтобы заменить такие расплывчатые и ненадежные обобщения тщательным и систематическим анализом значений слов и заменить (или дополнить) импрессионистические представления методологически обоснованными доказательствами.

Однако исходный пункт виден невооруженным глазом. Он заключается в давнем осознании того факта, что значения слов разных языков не совпадают (даже если они, за неимением лучшего, искусственно ставятся в соответствие друг другу в словарях), что они отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого данного общества (или языковой общности), и что они представляют собою бесценные ключи к пониманию культуры. Никто не выразил это давнее представление лучше, чем Джон Локк (*Locke 1959 [1690]*):

Даже скромное знание разных языков легко убедит каждого в истинности этого положения: так, легко заметить в одном языке большое количество слов, которым нет соответствия в другом. Это ясно показывает, что население одной страны по своим обычаям и по своему образу жизни сочло необходимым образовать и наименовать такие разные сложные идеи, которых население другой никогда не создавало. Этого не могло бы случиться, будь такие виды продуктом постоянной работы природы, а не совокупностями, которые ум абстрагирует и образует в целях наименования [*sic*] и для удобства общения. Терминам нашего права, которые не являются пустыми звуками, едва ли найдутся соответствующие слова в испанском и итальянском языках, языках не бедных; еще меньше, думается мне, можно перевести их на язык карибский или язык вест-ти; а слово *versura* римлян или слово *corbán* у евреев не имеют в других языках соответствующих себе слов; причина этого ясна из сказанного выше. Более того, если внимаем в дело немного глубже и точно сравним различные языки, то найдем, что хотя в переводах и словарях в этих языках предполагаются соответствующие друг другу слова, однако среди названий сложных идей... едва ли найдется одно слово из десяти, которое означало бы совершенно ту же идею, что и другое слово, которым оно передается в словарях... Это слишком очевидное доказательство, чтобы можно было сомневаться.

ваться, и в гораздо большей степени мы найдем это в названиях более отвлеченных и сложных идей. Такова большая часть названий, составляющих рассуждения о нравственности; если из любопытства станут сравнивать такие слова с теми, которыми они переведены на другие языки, то найдут, что очень немногие из последних слов точно соответствуют им во всем объеме своего значения (27).

А в нашем веке сходное замечание сделал Эдуард Сепир:

Языки очень неоднородны по характеру своей лексики. Различия, которые кажутся нам неизбежными, могут полностью игнорироваться языками, отражающими совершенно иной тип культуры, а эти последние, в свою очередь, могут проводить различия, непонятные для нас.

Подобные лексические различия выходят далеко за пределы имен культурных объектов, таких как наконечник стрелы, кольчуга или канонерка. Они в такой же степени характерны и для ментальной области (27).

3. РАЗЛИЧНЫЕ СЛОВА, РАЗЛИЧНЫЙ ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ?

В каком-то смысле может казаться очевидным, что слова с особыми, культуроспецифичными значениями отражают и передают не только образ жизни, характерный для некоторого данного общества, но также и образ мышления. Например, в Японии люди не только говорят о «*miai*» (используя слово *miai*), но также и думают о *miai* (используя либо слово *miai*, либо связанное с данным словом понятие). Например, в романе Кадзую Ишигуро (Ishiguro 1986) герой, Масудэи Оно, много размышляет — и заранее, и ретроспективно — о *miai* своей младшей дочери Норико; и, конечно, он размышляет об этом с позиций понятийной категории, связанной со словом *miai* (так что он даже сохраняет это слово в английском тексте).

Ясно, что слово *miai* отражает не только наличие определенного общественного ритуала, но также и определенный способ мыслить о важных жизненных событиях.

Mutatis mutandis, то же самое относится и к *пошлиости*. Разумеется, объекты и явления, заслуживающие такого ярлыка, существуют — мир англосаксонской массовой культуры содержит огромное множество явлений, заслуживающих ярлыка *пошлисть*, например целый жанр бодис-рипперов, но назвать этот жанр по-

шлостью — значило бы рассматривать его через призму понятийной категории, которую нам дает русский язык.

Если такой искушенный свидетель, как Набоков, сообщает нам, что русские часто мыслят о подобного рода вещах с точки зрения понятийной категории *пошлисти*, то у нас нет оснований не верить ему — принимая во внимание, что сам русский язык дает нам объективные свидетельства в пользу этого утверждения в виде наличия целого семейства родственных слов: *пошлий*, *пошлисть*, *пошлияк*, *пошлиячка* и *пошлитина*.

Часто ведутся споры о том, «отражают» или «формируют» образ мышления слова, заключающие в себе культурообразующие понятийные категории, подобные *пошлисти*, но, по-видимому, эти споры основаны на недоразумении: конечно, и то и другое. Подобно слову *tiai*, слово *пошлисть* и отражает, и стимулирует определенную точку зрения на человеческие действия и события. Культурообразующие слова представляют собою понятийные орудия, отражающие прошлый опыт общества касательно действий и размышлений о различных вещах определенными способами; и они способствуют увековечению этих способов. По мере того как общество меняется, указанные орудия могут также постепенно видоизменяться и отбрасываться. В этом смысле инвентарь понятийных орудий общества никогда не «детерминирует» полностью его мировоззрение, но очевидным образом оказывает на него влияние.

Аналогичным образом взгляды отдельного индивида никогда не бывают полностью «детерминированы» понятийными орудиями, которые ему дает его родной язык, частично оттого, что всегда найдутся альтернативные способы выражения. Но его родной язык очевидным образом оказывает влияние на его концептуальный взгляд на жизнь. Очевидно, что не случайно Набоков рассматривает как жизнь, так и искусство с точки зрения концепта *пошлисти*, а Исигуро нет или что Исигуро размышляет о жизни с точки зрения таких концептов, как 'оп' (ср. главу 6, раздел 3*), а Набоков этого не делает.

Людям, хорошо знающим два разных языка и две разные культуры (или более), обычно очевидно, что язык и образ мышления взаимосвязаны (ср. Hunt & Benaji 1988). Подвергать сомнению

* Речь идет о книге Вежбицкой *Understanding Cultures through their Key Words*, откуда и взято настоящее «Введение». — Прим. перев.